

Iryna Varankova. The participation of inhabitants of Gomel region in armed conflict between the USSR and Japan and lake Khasan (1938). The report highlights the events of summer 1938 in the far East of the Soviet Union, which became the next step on the path of a gradual slide of the world community to the abyss of the Second world war. Heavy fighting between Soviet and Japanese troops at lake Khasan was the first open armed clash between States, who played a leading role in the European and Asian world politics. In the composition of formations and units of the red Army, participated in battles, were many of the natives of the Gomel region and Gomel directly on the ground held an action of moral-psychological support of soldiers.

УДК 940.5

Е. А. Гребень
Белорусский государственный
аграрный технический университет

ПРОБЛЕМА РЕСТИТУЦИИ ИМУЩЕСТВА РЕПРЕССИРОВАННЫХ СОВЕТСКИМИ ВЛАСТЯМИ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ

В статье рассматривается проблема реституции национализированной собственности в период нацистской оккупации Беларуси. Отмечается, что для оккупационной администрации возникла проблема реагирования на поступающие от граждан заявления о возврате национализированного имущества. Вопреки заявлениям о борьбе против любых проявлений советской власти немецкая оккупационная администрация не стремилась возвращать национализированное имущество гражданам, рассматривая захваченную государственную собственность как военный трофей.

Немецкие власти на оккупированной территории Беларуси в течение всей оккупации проводили масштабную пропагандистскую кампанию, направленную на дискредитацию советского строя. Немецкая армия позиционировалась нацистской пропагандой как «освободительница» белорусов от власти большевиков и евреев, давались обещания послевоенного благоденствия в «новой Европе» [1, с. 106]. На фоне критике советского строя возникла проблема собственности граждан, национализированной советскими властями в предвоенный период. Естественно, что обиженные советской властью граждане (репрессированные или их родственники) апеллировали к немецкой и местной администрации, требуя вернуть свое движимое и недвижимое имущество, которым распоряжались другие лица или оно находилось в коммунальной собственности. В такой ситуации оккупационные власти должны были определиться в данном вопросе. Не реагировать совсем на заявления просителей было невозможно на фоне критики немецкой пропаганды всего советского, удовлетворять прошения означало бы сократить те ресурсы, которые немцы захватили. К тому же удовлетворение некоторых ходатайств могло спровоцировать рост аналогичных просьб со стороны многих других граждан, учитывая масштабы коллективизации и репрессий.

Вернувшиеся на прежнее место жительства репрессированные граждане или их родственники ходатайствовали о возвращении национализированного движимого и недвижимого имущества. Изредка возврат собственности практиковался. Браславская волостная управа в связи с заявлением гражданина о возврате ему вещей, принадлежавших брату, арестованному в 1940 г., дала распоряжение полиции оказать содействие в их возврате, указав, где и у кого они находятся [2, л. 6]. Житель Оршанского района в январе 1942 г. требовал вернуть швейную машинку, конфискованную после ареста и расстрела отца в 1932 г. и переданную председателю колхоза [3, л. 5]. В апреле 1942 г. поступило заявление жительницы Толочинского района, которая требовала вернуть имущество брата, арестованного в 1940 г. Волостной бургомистр разрешил занять дом, но не

разрешил пользоваться огородом. Районная управа распорядилась выделить гражданке 0,25–0,35 га огорода [4, л. 8].

Судебные инстанции, столкнувшиеся с исками бывших владельцев о возврате собственности и, не имея четких инструкций на сей счет, обращались за разъяснениями к главам местной администрации. Так, мировой судья в обращении к начальнику Мядельского района 7.08.1942 г. отмечал, что неясно, какие существуют распоряжения немецких властей по вопросу собственности граждан, отсутствующих в настоящее время или вывезенных советской властью. Судья также интересовался проблемой назначения кураторов над имуществом [5, л. 102, 102 об.].

С установлением оккупационного режима возникла проблема собственности на жилплощадь, национализированную советской властью. Вернувшиеся из ссылки или их родственники вселялись в свое прежнее жилище, что создавало конфликтную ситуацию с гражданами, которые проживали здесь по решению советской власти. Местная администрация уже осенью 1941 г. столкнулась с прошениями граждан, требовавших вернуть жилье, принадлежавшее им или их родственникам, репрессированным советской властью. Того же требовали граждане, вернувшиеся вслед за немецкими войсками из эмиграции. Кто-то из них ссылался на акты о национализации собственности, у других таковых не имелось, но все требовали возврата своего имущества. Возникла непростая для оккупационной власти ситуация, когда отказ от возврата собственности лицам, пострадавшим от советской власти был бы расценен ими крайне негативно, что по отношению к самой лояльной к оккупантам части местного населения было неразумно. При этом приходилось считаться с позицией оккупационных властей, которые рассматривали все бывшее имущество советской власти как собственность, принадлежащую с настоящего времени рейху. Немцы констатировали, что бывшие кулаки неоднократно обращались в мировые суды с требованием возврата отчужденного имущества, в первую очередь, построек и приусадебного земельного участка [6, л. 24 об.]. В наставлениях бургомистрам отмечалось, что в волостные суды неоднократно поступали жалобы бывших кулаков, ходатайствующих о возврате отчужденного имущества. Судам запрещалось выносить решения относительно возврата им земли, усадеб и строений, а ходатаев предписывалось отсылать в немецкие органы власти [7, л. 38, 38 об.]. Оккупационные власти заявляли, что существовавший при советской власти закон о собственности пока не может быть отменен [8, л. 16]. Генеральный комиссар Беларуси требовал от судов отклонять иски бывших владельцев или их родственников, требующих возврата национализированного советской властью имущества. Административные мероприятия советской власти могли быть изменены только распоряжением немецкого руководства, которое придерживалось принципа статус-кво относительно национализированной собственности [9, л. 11]. Большинство прошений бывших владельцев вернуть им дома не удовлетворялось, местная администрация каждый раз ссылалась на распоряжение германских властей [10, л. 156]. Городское управление Бобруйска 25.06.1943 г. сообщило гражданке, что вопрос о возврате частной собственности представителям эмиграции и советским гражданам еще не решен, поэтому ее ходатайство является преждевременным [11, л. 34].

В ряде случаев местная администрация, очевидно, была на стороне бывших владельцев. Например, гражданин подал заявление в Зубовское волостное управление Оршанского района относительно прав на дом, в который он переехал в 1939 г., получив его от колхоза в обмен на свой, сделал в нем ремонт, а сейчас на него претендовали наследники бывшего владельца, с которыми проситель вынужден жить вместе, ежедневно конфликтуя. Волостной бургомистр обратился к немецкому агроному, предлагая оставить спорный дом за наследниками законного владельца, а просителю выделить другой дом [3, л. 14, 14 об., 16]. Начальник Вилейского района 25.03.1942 г. предложил Вилейскому гебитскомиссару вернуть национализированные дома бывшим владельцам, если их площадь

не превышает 113 м². Чиновник отмечал, что ранее органы советской власти проводили национализацию домов в качестве репрессивных мер, не придерживаясь положения о том, что национализации подлежат только дома площадью от 113 м². Были национализированы дома граждан, сосланных в Сибирь или бежавших с приходом советской власти, в результате чего в муниципальной собственности находится множество небольших домов, выстроенных на средства граждан [12, л. 74]. С аналогичной инициативой выступал и начальник жилищного отдела Могилевского городского управления, считавший передачу недвижимости законным владельцам способом восстановления и сохранения жилого фонда, поскольку, в случае положительного решения, многие дома были бы переданы с баланса местной администрации [13, л. 63].

Наследием периода коллективизации были конфликты по вопросам землепользования. Граждане, считавшие себя ущемленными советской властью, пытались подвергнуть ревизии сложившуюся в системе землепользования ситуацию. Бывшие собственники требовали возврата своих земель еще и по причине распоряжений немецких властей в самом начале оккупации. В первые недели оккупации, когда власть в Беларуси находилась в руках офицеров вермахта, военные власти могли принимать решения о возврате национализированной собственности, что противоречило немецкой оккупационной политике в этом вопросе. В августе 1941 г. на имя начальника Браславского района поступило прошение жительницы Миорской волости, которая была назначена куратором имения матери (10 га земли, постройки), вывезенной советской властью в Казахстан весной 1940 г. Высказывалась просьба разрешить начать розыск у конкретных лиц имущества ее матери, которое было разобрано колхозниками, урожай и постройки стали достоянием колхоза «Боевой партизан», организованного в имении Черессы. Выдвигалось требование обязать бывших колхозников вернуть просительнице сжатую рожь, а не семена, использованные для засева, или компенсировать стоимость ржи деньгами [14, л. 9]. В ноябре 1941 г. на имя начальника Клецкого района поступило заявление гражданки, которая сообщала, что в 1939 г. было национализировано ее имущество (5 га пахотной земли, 17 га сенокосов, 3 коровы, коня, 2 дома и сельскохозяйственные постройки), которое было передано больнице. Просительница сообщала, что с радостью приветствовала немецкую армию, которая изгнала «большевистских оккупантов» и вернула всем собственность. По распоряжению немецких военных властей гражданка вернула свою землю, но местная администрация, в том числе врач больницы, к которой, очевидно, относилась конфискованная земля (по ее выражению «шайка поляков»), вновь забрала ее хозяйство. Просительнице было отказано со ссылкой на распоряжение немцев о запрете возврата национализированного имущества [15, л. 5, 5 об.]. В 1942 г. Осиповичское районное управление сообщило пятерым гражданам и начальнику Замошской сельской управы, что их ходатайство о возврате земли и имущества отклонено, поскольку земля отошла под торфозавод, постройки не сохранились, и к тому же существует запрет германских властей возвращать национализированную землю [10, л. 113]. На имя начальника Несвижского района поступило заявление крестьянина, который просил передать ему как законному наследнику хозяйство брата (2,5 га земли и постройки), высланного в 1939 г. в Сибирь. На момент подачи заявления хозяйством пользовался брат жены репрессированного, и волостная управа заявление не удовлетворила [16, л. 10, 10 об.]. В 1942 г. велась тяжба между жителями Крупецкой сельской общины Добрушского района. В ходе разбирательства дела в Добрушском мировом суде выяснилось, что гражданин вступил в колхоз и перенес туда усадьбу, а земля с 1938 г. была передана колхозом другому гражданину. Суд постановил взыскать с истца 5 пудов ржи за украденный урожай и 25 руб. пошлины. Гомельский областной суд как вышестоящая инстанция отменил решение Добрушского мирового суда на основании того, что земельные споры разрешаются только крайсландвиртом, и мировой суд не имел права принимать дело в производство [17, л. 1–11]. Ганцевичский мировой суд

в аналогичном споре принял сторону бывших владельцев земли, но пользовавшийся ею с 1940 г. гражданин подал апелляцию в Барановичский окружной суд, который приговор Ганцевичского суда оставил в силе [18, л. 23, 23 об., 32]. В Несвижскую районную управу поступило заявление жительницы д. Цагельни, которая не поделила 2 га пашенной земли, оставшейся после высланной советской властью родственницы с другим претендентом на землю. Стороны пришли к соглашению совместно использовать по 1 га земли [19, л. 173]. В местную администрацию поступали заявления граждан об увеличении приусадебного участка, поскольку советская власть забрала у них часть земли [20, л. 5–40].

В сельские и волостные управы поступали заявления о компенсации отработанных до войны трудодней в колхозе. Как правило, подобные заявления не удовлетворялись. Например, в ноябре 1941 г. гражданка просила бургомистра Борковичской волости вернуть недополученные 310 кг картофеля в счет трудодней. Прошение было переадресовано Дриссенской районной управе, но вернулось назад с резолюцией «на усмотрение волостной управы» [21, л. 12, 12 об.]. В марте 1942 г. Осиповичская районная управа сообщила жительнице д. Замошье, что ее ходатайство отклонено на том основании, что она достаточно заработала на трудодни, а также имеет трудоспособного сына, который служит в полиции, материально обеспечен и способен оказать ей помощь [10, л. 50]. Аналогичные заявления могли поступать, минуя местную администрацию, напрямую в немецкие органы власти. Жительница Глуцкого района подала заявление в комендатуру, указывая, что пострадала при советской власти (муж был в тюрьме), и жалуясь, что ей в колхозе не засчитали 25 трудодней, обделили при разделе скота и распределении мяса и хлеба, не дают работы [22, л. 133, 133 об.].

Таким образом, для немецкой оккупационной администрации возникла проблема: как реагировать на просьбы о возврате имущества пострадавших от действий советской власти граждан? С одной стороны, данная категория населения была настроена антисоветски, и, реагируя на такие просьбы отрицательно, немцы рисковали настроить против себя лояльных им жителей оккупированных территорий, с другой стороны, вся захваченная государственная собственность рассматривалась как военный трофей Германии, и экономические соображения перевесили соображения идеологического характера. В результате, подавляющее большинство ходатайств о возврате национализированной собственности отклонялась.

Список источников и литературы

1. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 / А. А. Коваленя (руководитель авторского коллектива), А. М. Литвин, В. И. Кузьменко и др. – Мн.: БЕЛТА, 2005. – 544 с.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 2847. Оп. 1. Д. 18.
3. ГАВт. – Ф. 2115. – Оп. 1. – Д. 1.
4. ГАВт. – Ф. 2134. – Оп. 1. – Д. 12.
5. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Ф. 4223. – Оп. 1. – Д. 13.
6. ГАВт. – Ф. 2088. – Оп. 2. – Д. 1.
7. ГАВт. – Ф. 2094. – Оп. 1. – Д. 1.
8. ГАМн. – Ф. 624. – Оп. 1. – Д. 9.
9. ГАВт. – Ф. 2848. – Оп. 1. – Д. 14.
10. Государственный архив Могилевской области (ГАМог). – Ф. 845. – Оп. 3. – Д. 2.
11. ГАМог. – Ф. 858. – Оп. 1. – Д. 42.
12. ГАМн. – Ф. 4232. – Оп. 1. – Д. 29.
13. ГАМог. – Ф. 259. – Оп. 1. – Д. 23.
14. ГАВт. – Ф. 2848. – Оп. 1. – Д. 10.
15. ГАМн. – Ф. 1538. – Оп. 1. – Д. 8.
16. ГАМн. – Ф. 1549. – Оп. 1. – Д. 1.

17. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 1320. – Оп. 1. – Д. 44.
18. Государственный архив Брестской области. – Ф. 2152. – Оп. 1. – Д. 52.
19. ГАМн. – Ф. 1039. – Оп. 1. – Д. 68.
20. ГАМог. – Ф. 270. – Оп. 1. – Д. 157.
21. ГАВт. – Ф. 2833. – Оп. 1. – Д. 1.
22. ГАМн. – Ф. 1039. – Оп. 1. – Д. 208.

Yauhien Hrebien. The problem of repressed Soviet victims' property restitution during Nazi occupation. The article deals with the problem of nationalized property restitution in the period of Nazi occupation of Belarus. It's pointed out that for the occupation administration there arose a problem of reaction to the citizens' written requests on the nationalized property refund. Despite proclaiming fighting against any manifestation of Soviet power, the German occupation administration didn't aim at refunding the nationalized property to the citizens considering the captured state property as their military salvage.

УДК 930.1(4):377(47+57)(09)«1940/1959»

В. Н. Король

Сумский государственный университет

ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ СССР В РАБОТАХ ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ²

В статье была сделана попытка охарактеризовать западную историографию системы государственных трудовых резервов СССР (1940–1959 гг.). Автором изучены особенности, этапы и факторы развития на Западе исследований советского профессионально-технического образования сталинского и хрущевского периодов. Проанализированы наиболее важные из зарубежных публикаций по указанной тематике, выявлены их характерные особенности.

Осенью 2015 г. исполнилось 75 лет со дня основания государственных трудовых резервов СССР. Так или иначе, системы профтехобразования большинства постсоветских стран до сих пор во многом остаются далекими «потомками» этой советской структуры подготовки молодых рабочих кадров. Изучение ее истории совершенно необходимо, чтобы помочь воспользоваться опытом прошлого и избежать былых ошибок во время современной модернизации данной сферы.

В условиях милитаризации советской административно-командной экономики накануне и в начале II Мировой войны успешное выполнение планов требовало качественных изменений кадрового обеспечения стратегических отраслей народного хозяйства. Решением стало создание государственных трудовых резервов (ГТР).

Система ГТР была учреждена специальным указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 р. Процесс подготовки кадров в этой полувоенноизированной по своей сути структуре контролировался из одного общегосударственного центра. Учебные заведения трудрезервов – школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленные училища и др. – организовывались по единым четким стандартам. Ученический контингент формировался не только на добровольных основах, но и путем принудительных призывов согласно планам, утвержденным правительством СССР. Все учащиеся (как призванные принудительно, так и добровольцы) получали статус мобилизованных, а за самовольный уход предусматривалась уголовная ответственность. Устанавливалось полное государственное обеспечение учащихся питанием, жильем. Обучение велось по унифицированным

---

² Работа выполнена в рамках фундаментального исследования №15.01.10-01.15/17.3Ф «Историческое развитие пограничья Северо-Восточной Украины как средство конструирования общенациональной модели исторической памяти».